

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Межфакультетская кафедра истории Отечества

В.И.ГОЛЬЦОВ

**Введение в историю.
Научковедческие и методологические
аспекты исторической науки**

Учебное пособие

Издательство «Самарский университет»
2002

ББК 63

УДК 930.1+930.2

Г 638

Гольцов В.И. Введение в историю. Науковедческие и методологические аспекты исторической науки: Учебное пособие. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. – 46 с.

Изучение истории в вузе предполагает не только знание фактов по конкретным разделам курса и их интерпретацию, но и понимание специфики исторической науки и исторического знания, места истории в ряду других гуманитарных наук, знакомство с методологией исторического исследования, владение приемами работы с историческими источниками. К сожалению, эти вопросы недостаточно освещаются в вузовских учебниках по истории, особенно предназначенных для студентов неисторических факультетов и специальностей.

Данное учебное пособие содержит материал, позволяющий студентам освоить важные для понимания конкретных разделов истории вопросы. В нем изложена специфика исторического исследования, проблема объективной истины в истории, основные методологические подходы и школы в исторической науке, их сильные и слабые стороны, сущность и классификация исторических источников, направления и приемы работы с ними.

Учебное пособие предназначено для студентов, преподавателей, для всех, интересующихся историей.

Рецензенты: кандидат исторических наук, доцент А.В.Калягин;
кандидат исторических наук, ст. преп. Д.А.Шевкуленко

© Гольцов В.И., 2002

© Изд-во «Самарский
университет», 2002

Глава I

Специфика истории как науки. Проблема объективной истины в исторической науке

Прежде чем приступать к изучению истории как науки и говорить о ее специфике, следует задуматься: *какой смысл мы вкладываем в слово история?*

С одной стороны, историей называется реальный процесс жизни людей, совершающийся каждую минуту и с каждой минутой уходящий в прошлое. С другой стороны, историей называется наука, которая изучает этот процесс. В бытовом языке историей называется какая-либо ситуация, случившаяся в жизни, рассказанная или описанная в литературе. Историей может называться учебная дисциплина, изучаемая в школе или в вузе. Существуют и другие значения слова «история».

Нас чаще всего будет интересовать значение этого слова в двух смыслах: история как процесс и история как наука.

Существует еще термин *«историография»*. Раньше историографией называли саму историческую науку (от буквального перевода слова «историография» – описание истории). В настоящее время термин имеет более точное значение. Он обозначает историю исторической науки.

Например, если мы говорим об истории 1917 года, то речь должна идти о том, какие события произошли в этом году, как их можно объяснить, каковы были их причины и последствия и т.п. Если мы говорим об историографии 1917 года, то она предполагает рассказ о том, как история 1917 года освещалась в исторической литературе разных лет, разных стран, написанных с разных позиций и т.п., то есть, как развивалась история изучения истории 1917 года.

В то же время термин «историография» может встречаться и в смысле «историческая литература». К примеру, когда употребляется выражение «историография таких-то годов» или «историография такого-то вопроса», то имеется в виду историография в смысле историческая литература.

Выяснив, что означает термин «история», зададимся вопросом, *чем история, гуманитарная наука, отличается от других гуманитарных наук?*

История изучает человеческое общество. Но общество изучают и другие науки, например, социология, политология, экономические науки и др. Для того, чтобы понять отличие истории от других разделов

обществоведения, необходимо ввести понятия «объект» и «предмет» науки.

Объектом изучения общественных наук является общество. Предметом изучения является та часть, та сторона общества, которая изучается непосредственно данной наукой. Так, социология изучает общие закономерности функционирования общества, политология – функционирование политической системы общества, но при этом и та, и другая науки предусматривают некое абстрактное и статичное общество. История же изучает особенности экономической, социальной, политической, культурной и других сфер общества, но все это – применительно к конкретному обществу в прошлом и в развитии.

Выяснив, что такое историческая наука и чем она отличается от других наук об обществе, отметим, что любая наука стремится достичь того, что называется *объективной истиной*. Этим термином обозначают содержание наших знаний и представлений, которое не зависит ни от человека (его мировоззрения, взглядов, пристрастий), ни от человечества. По этому поводу даже существует теория, согласно которой достижение объективной истины есть процесс, а не результат.

Как обстоит дело с достижением объективной истины в исторической науке? Эта проблема, актуальная для любой науки, для истории является особенно сложной.

В чем причины этого?

Во-первых, это связано с особенностями взаимоотношения исторической науки и характера общества, в котором она функционирует. История, как и все науки об обществе, зависит от общества. По этому поводу даже существует выражение: «Каково общество, таково и обществоведение». Можно выделить, по крайней мере, два типа отношений общества и науки об обществе. Если общество демократическое, исповедующее либеральную политическую культуру, то оно позволяет существовать различным точкам зрения, в том числе и в науке. В таком обществе отсутствует государственная идеология, под которую должны подгоняться все данные научных исследований, отсутствует монополия на истину. Собственно говоря, только в таких условиях, предполагающих широкий спектр мнений и научный, а не идеологический спор между различными точками зрения и можно говорить о существовании истории как науки. Что же касается тоталитарного общества, предполагающего контроль правящей элиты над всеми сферами жизни, включая духовную, то история будет чувствовать себя в нем совсем по-другому.

Классический пример функционирования истории в тоталитарном обществе обрисовал в своем знаменитом романе-антиутопии «1984» писатель Джордж Оруэлл. В романе выведено настолько законченное

тоталитарное общество, что он с полным правом может служить учебником по тоталитаризму. Главный герой романа, Уинстон Смит, служит в учреждении, именуемом Министерством правды. (Оруэлл показывает, как тоталитарный режим извращает сущность понятий: «Министерство правды» в его романе фабрикует ложь и фальсифицирует историю, «Министерство любви» – не что иное, как карательный орган политического сыска). Придя на работу, Смит обнаруживает сообщение, что такой-то политический деятель *распылен*. Этим жутковатым термином обозначалось то, что у нас называлось репрессирован. Но в романе от распыленного персонажа вообще не должно остаться никаких следов – словно он и не существовал никогда. И вот главный герой по долгу службы разыскивает все газеты, книги и другую печатную продукцию, где упоминается имя несуществующего теперь человека. Вместо публикации с его упоминанием он придумывает другие, где данного лица уже нет. Затем старые газеты и книги уничтожаются, а вместо них печатаются новые «старые» газеты и книги, которые затем вставляются в подшивки и водружаются на полки библиотек. Все. Прежнего героя больше нет, история приведена в полное соответствие с требованиями текущего момента. То же происходит и в других ситуациях. Например, описанная в романе страна попеременно воевала то с одним своим соседом в союзе с другим, то наоборот. В зависимости от изменения внешнеполитической и военной ситуации вся история переписывалась таким образом, чтобы люди считали, что сегодняшний союзник был союзником всегда, а война всегда велась с тем противником, с которым она ведется в настоящее время.

Таким образом, если демократическое общество позволяет существовать различным точкам зрения в исторической науке, не навязывает ей заранее подготовленные ответы, считающиеся единственно правильными, и предоставляет возможность решать научные проблемы научным путем, то в тоталитарном обществе история становится пропагандой, служанкой идеологии, всем, чем угодно – только не наукой. О существовании истории как науки в тоталитарном обществе говорить нельзя, потому что нельзя говорить об исторической науке в ситуации, когда история постоянно переписывается в связи с изменением политической конъюнктуры, когда она подгоняет фактический материал под заранее подготовленные концепции, когда существование разных точек зрения (нормальное условие функционирования любой науки) объявляется вредным, а считающаяся правильной единственная точка зрения становится таковой не в результате споров в ученом сообществе и весомой аргументации, а по решению «сверху».

Так как в Советском Союзе существовал тоталитарный режим, то можно привести многочисленные примеры превращения истории в нашей стране из науки в служанку идеологии. Например, в 30-е годы в СССР

вышла в свет книга «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс». Для многих поколений советских людей эта книга стала единственным учебником по истории в вузах, школах, сети политического просвещения и т.п. Отступления от оценок, данных в «Кратком курсе», были невозможны. Одновременно с выходом этой книги было издано постановление ЦК ВКП(б) об организационных и пропагандистских мероприятиях в связи с публикацией краткого курса истории ВКП(б). В нем, в частности, говорилось, что наконец-то множественность точек зрения на историю сменилось единственно правильным взглядом. Выход подобной книги, подкрепленной всей мощью государственной идеологической машины, и подобного постановления означали конец истории как науки в нашей стране. Об этом свидетельствует признание различных взглядов в науке аномалией и стремление сверху установить некую истину, под которую теперь нужно было подгонять все исторические исследования. Отступление от этой «истины» жестоко каралось. В этой ситуации история уже не должна была решать научные проблемы, а была призвана всего лишь иллюстрировать заранее известные выводы. Понятно, что в такой ситуации говорить об истории как о науке не приходится.

Положение с исторической наукой в нашей стране во многом напоминало ситуацию, изображенную у Оруэлла. Разумеется, в нашей стране не было таких технических средств, которые позволяли бы постоянно печатать новые «старые» книги и газеты. Роман Оруэлла – антиутопия, и в нем по определению присутствует момент фантастики. Но суть описанного Оруэллом, с поправкой на наши реальные условия и возможности правящего режима, происходила. В нашей стране правящий режим также постоянно репрессировал государственных деятелей и стремился стереть из памяти людей память о них. Вот пример из реальной педагогической практики. Получено известие о том, что, к примеру, какой-нибудь очередной герой революции и гражданской войны оказался «врагом народа». В класс входит учительница. «Дети, – говорит она, – откройте учебник истории, найдите портрет такого-то и зачеркните (или вырежьте, или заклейте). Он враг народа». И дети зачеркивали, вырезали, заклеивали. Еще один пример подобного рода. После разоблачения Берии подписчики Большой Советской Энциклопедии получили от издательства письмо с просьбой вырезать из тома на букву «Б» статью о нем и на ее место вклеить другую, дополнительную статью, которую издательство любезно разослало подписчикам. Нельзя не отметить существование так называемого «спецхрана», куда попадали все архивные материалы и вся литература, которая по политическим и идеологическим причинам считалась вредной и опасной для рядового гражданина. Масштабы засекречивания информации достигали гигантских размеров. Даже академики или доктора исторических наук не могли получить доступ ко многим архивным материалам, попавшим в «спецхран».

Итак, во-первых, сложность достижения объективной истины в исторической науке объясняется ее зависимостью от общества, от характера общественно-политического строя, от политического режима. Во-вторых, отмеченная сложность объясняется спецификой самой исторической науки.

История отличается от других наук очень сложным предметом исследования. Признавая сложность технических, естественных и других наук, нельзя не согласиться, что самым сложным в этом мире является человек и отношения между людьми, а ведь именно это, применительно к прошлому, изучает история.

Кроме того, в истории (во всех аспектах этого слова, имеющих отношение к науке) присутствует сильно развитый субъективный фактор. Рассмотрим это подробнее. Если схематически представить процесс воссоздания истории, то можно выделить следующие три уровня:

- история как процесс, происходящий каждую секунду и каждую секунду уходящий в прошлое;
- исторические источники как своеобразный «мостик» между прошлым и будущим. Подробнее об исторических источниках будет сказано ниже. Сейчас отметим, что историческими источниками называется все, что может дать представление о жизни людей в прошлом. Познание прошлого всегда не прямое, а опосредованное, то есть осуществляемое посредством чего-либо, чем и являются исторические источники;
- деятельность самого историка, приводящая к воссозданию истории как процесса, то есть историческая наука.

Нетрудно убедиться, что на каждом из этих трех уровней история представляет собой сложное сочетание объективного и субъективного факторов. Например, большинство исследователей исходят из того, что история как процесс развивается по своим собственным, не зависящим от человека, то есть объективным законам. (Другое дело, что нет единства взглядов на то, в чем заключаются эти объективные законы. Одни авторы находят их в материальном производстве, другие – в религии и т.д.). В то же время реально в истории действуют только люди, следовательно, объективные законы истории могут реализоваться только через действия людей. Иными словами, объективные законы истории действуют как тенденции, и люди могут либо затормозить, либо ускорить эти тенденции. Исторические источники несут на себе печать эпохи, и в этом смысле они носят объективный характер. В то же время они не являются истиной в последней инстанции, а создаются людьми, которые вольно или невольно вкладывают в исторический источник свои взгляды, пристрастия, а часто вполне сознательно создают их для определенных целей (это касается письменных источников). В этом смысле источники несут на себе отпечаток сильного субъективного фактора. Наконец, историк, как не

стремится он к беспристрастности, не может быть полностью свободным от своего мировоззрения, ценностных и иных установок. Так что и деятельность историка – это сочетание объективного и субъективного факторов.

Таким образом, в каждом из отмеченных выше трех уровней – в истории как процессе, в исторических источниках и в деятельности историка (т.е. в истории как науке) мы видим присутствие значительной доли субъективного фактора. Условно это можно назвать «тройным субъективированием». Сильно выраженный субъективный фактор делает достижение объективной истины в исторической науке особенно сложным.

В этой связи возникает вопрос: *можно ли в принципе достичь объективной истины в исторической науке или хотя бы приблизиться к этому?* Данный вопрос имеет важное значение. От ответа на него зависит вывод принципиального характера: *является ли история наукой?* Если ответ будет положительным, тогда об истории можно говорить как о науке. Если нет, тогда история будет всем, чем угодно, только не наукой. Тогда не будет объективных критериев для истинности того или иного вывода, любая, самая произвольная точка зрения, с полным правом будет считать себя истинной.

Как отвечают на этот вопрос специалисты? Подавляющее большинство из них считает, что история – это наука. Следовательно, логично предположить, что приблизиться к истине в ней хоть и очень трудно, по перечисленным выше причинам, но возможно. Возьмем эту точку зрения в качестве отправной в наших рассуждениях и поставим следующие вопросы: *какие способы приближения к объективной истине существуют в исторической науке? Каким образом можно минимизировать субъективный фактор?*

На эти вопросы есть, казалось бы, простой ответ: субъективность в исторической науке во многом проистекает из различных толкований, интерпретаций исторических событий. Следовательно, чтобы избежать субъективности, историческая наука должна взять пример с древних летописцев и просто регистрировать факты.

Но такая точка зрения, при кажущейся очевидности, не может привести к поставленной цели, а именно – к минимизации субъективного фактора. Почему? Для того чтобы ответить на данный вопрос нужно задуматься над более конкретными вопросами. Все ли факты современной им истории регистрировали летописцы? Чем руководствовались летописцы, отбирая факты для отражения в летописи? Можно ли в наше время ограничиться простой регистрацией фактов, не производя их отбор по какому-либо принципу? Предполагает ли простая регистрация факта его название? Если да, не содержит ли название элементы оценки, интерпретации, а, значит, и субъективного фактора?

Подумав над этими вопросами, нетрудно убедиться, что приближение к истине путем простой регистрации фактов невозможно. Регистрация фактов предполагает их отбор, их название, а, значит, и интерпретацию. Невозможно отразить в историческом исследовании абсолютно все факты, имеющие отношение к теме. Это значит, что встает проблема отбора и обобщения фактов, а это уже влияние субъективного фактора. Регистрация факта предполагает его название, а в нем уже содержится если не оценка, то определенная трактовка, а это опять тот самый субъективный фактор, которого никак не удастся избежать. Это легко продемонстрировать на следующем примере: как назвать происшедшее в нашей истории в октябре 1917 года? В августе 1991 года? В октябре 1993 года? Зависит ли от названий объяснение сущности этих событий? Ответы очевидны.

Неудачная попытка найти легкий способ минимизации субъективного фактора в исторической науке путем простой регистрации фактов тем не менее приводит нас к важному выводу: история как наука – это не только регистрация фактов, но и их неизбежная интерпретация, не только фактография, но и историография.

Какие же существуют другие, более успешные способы приближения к объективной истине в исторической науке?

Представляется, что одним из таких способов является применение в историческом исследовании принципов гносеологического плюрализма. Что же означает это понятие?

В философии, к изучению которой студенты приступают, как правило, позже истории, существуют понятия *гносеология* и *онтология*. Гносеология – учение о познании, онтология – учение о бытии. *Плюрализмом* принято называть множественность. Хотя последнее время в массовом сознании термин «плюрализм» ассоциируется преимущественно с политикой и подразумевает в этом смысле многопартийность, свободное столкновение мнений по различным вопросам и т. п., на самом деле он означает множественность применительно к разным сферам. Следовательно, онтологический плюрализм – это учение о множественности бытия, а *гносеологический плюрализм – учение о множественности в процессе познания*. Это может быть множественностью исходных позиций в процессе познаний, множественностью методов (способов) познания и многое другое.

Принцип познавательного (гносеологического) плюрализма имеет давнюю, многовековую историю. Его появление связано с убеждением, что истина, в силу своего божественного происхождения, недоступна отдельному человеческому уму. Поэтому приближение к истине может дать лишь совокупность мнений.

По этому поводу существует древняя поучительная притча о слоне и четырех слепых мудрецах. Те попытались определить на ощупь, что

такое слон. Один провел рукой по хоботу и решил, что слон – животное, похожее на змею. Другой прикоснулся к ноге и сказал, что слон – это огромное дерево. Тот, кто потрогал бивень, объявил, что слон – это копые, а прикоснувшийся к брюху сообщил, что это напоминает ему чем-нибудь набитый огромный мешок. Был ли каждый из них не прав? Нет, каждый точно передал то, что подсказывали ему органы чувств. Но был ли каждый прав? Тоже нет, ибо слон – животное, хоть и похожее своими отдельными частями и на змею, и на дерево, и на копые, – но это все-таки слон, и для правильного описания его нужна не одна точка зрения, а их совокупность.

В науке идут споры между сторонниками плюрализма и сторонниками *монизма*, т.е. подхода, при котором правильной считается только одна из существующих точек зрения.

Сравним аргументы сторонников гносеологического плюрализма и монизма.

Сторонники монизма (среди них часто можно встретить приверженцев точных наук, т.е. математики, физики и т.п.) исходят из того, что истина одна, а множественность точек зрения – признак слабости, а не силы науки. Всякое противоречие в их глазах – не другой подход к истине, а ее извращение, ересь. Вот характерное высказывание математика по образованию, знаменитого русского писателя А.И.Солженицына, который крайне скептически относится к плюрализму. «Может ли плюрализм фигурировать отдельным принципом, и притом среди высших? Странно, что простое множественное число возвысилось в такой сан. Плюрализм может быть лишь напоминанием о множественности форм – да, охотно признаем, – однако цельного движения человечества? Во всех науках строгих, то есть опертых [так у Солженицына – В. Г.] на математику, истина одна – и этот всеобщий естественный порядок никого не оскорбляет... А множественность истин в общественных науках есть показатель нашего несовершенства, а вовсе не нашего избыточного богатства, и зачем из того несовершенства делать культ “плюрализма”?..».

Сторонники плюрализма исходят из того, что общественные науки имеют дело с бесконечно глубоким – с человеческой душой, и поэтому однозначно здесь ничего нельзя доказать. Знаменитый философ М.Хайдеггер писал по этому поводу: «Все гуманитарные науки, да и науки о живом существе, именно для того, чтобы оказаться строгими, должны непременно быть неточными... Неточность исторических, гуманитарных наук не порок, а лишь исполнение важнейшего для этого рода исследований требования». Хайдеггер имел в виду следующее. Точность – это функция операций с однозначными терминами. Чем однозначнее термин, тем мысль точнее. Можно однозначно высказаться о бензоле, но нельзя однозначно высказаться о Николае II, и никакая математика здесь

не поможет: неизвестно, что именно считать. От историка требуется не точность, а беспристрастность.

Знаменитый физик Нильс Бор (представитель точных наук!) отмечал множественность истин. «Поверхностной истине, – писал он, – противостоит ложь; глубокой – другая истина, также глубокая».

Споры между сторонниками монизма и сторонниками плюрализма продолжаются и по сей день. Многие историки до сих пор считают, что может существовать единственно правильный взгляд на историю и единственно правильная теория, объясняющая ход исторического процесса. Во всяком случае, ясно одно: аргументы сторонников монизма, призванные доказать, что точность в математике, физике, химии – показатель научности, а плюрализм в истории – якобы свидетельство ее слабости, весьма уязвимы. Преимущество плюралистического подхода к истории заключается в том, что он не переносит на гуманитарную науку методологию наук, именуемых точными. Он учитывает специфику истории. Историческая наука имеет дело с самым сложным предметом исследования – человеком и человеческими отношениями. Истина в истории такова, что только совокупность разных точек зрения, каждая из которых освещает лишь часть истины, позволяет приблизиться к ней в целом. Следовательно, плюралистический подход – необходимое условие, вызванное спецификой предмета исследования исторической науки.

Здесь мы сталкиваемся с серьезной проблемой: как совместить гносеологический плюрализм с тем, что каждый конкретный исследователь придерживается определенной научной школы? Может ли один исследователь быть вышеупомянутыми четырьмя мудрецами сразу?

В этой связи сторонники монизма прибегают к грубоватой поговорке, что «плюрализм мнений в одной голове – это шизофрения». Но этот аргумент критиков плюрализма некорректен, ибо он подменяет понятия.

Разумеется, каждый отдельный историк не может изложить исторический процесс, одновременно исходя из разных подходов и применяя разные интерпретации. Речь о плюрализме идет применительно к историографии в целом. Плюрализм же для отдельного историка – это не сочетание принципиально несовместимых взглядов, а привычка не выдавать свое мнение за единственное, тем более – за истину в последней инстанции. Это строгое следование правилу – излагать свои взгляды, упоминая и о других, показывать место своей точки зрения в контексте всех существующих позиций по тому или иному вопросу. Таким образом, объективность историка – это честно выраженная субъективность.

Еще один способ приближения к объективной истине в историческом исследовании – это применение принципов *аксиологического плюрализма*, учет аксиологического фактора.

Аксиология – наука о ценностях. Хотим мы того или нет, но история – это наука, формирующая определенную систему ценностей. При всем стремлении к объективности историк не может быть полностью свободным от своих мировоззренческих установок, своей ценностной системы координат. Избавиться от этого, да и то не полностью, можно лишь занимаясь историей исторической науки, то есть историографией. При изучении конкретной истории разные авторы, помещая одни и те же события в различные системы ценностных координат (социалистическую, либеральную, национал-государственную), неизбежно придут к разным выводам. Попытка минимизировать эту субъективность путем простой регистрации фактов бесперспективна по причинам, названным выше.

Существуют многочисленные системы ценностей. Наиболее распространенные из них были уже названы выше – это *либеральная, социалистическая, национал-государственная*. Когда в основе системы ценностных координат находится человек, его права и свободы, а государство, общество, классовая, национальная, религиозная и иная принадлежность являются вторичными, такая система ценностей называется *либеральной*. Человек здесь цель, все остальное – средство для реализации прав человека (разумеется, в рамках закона). Если в основе ценностной системы координат лежит идея социальной справедливости, если главным является ликвидация несправедливости в жизни общества (другой вопрос, насколько реальной является такая задача), то такая система ценностей называется *социалистической*. В политике социализм, а также коммунизм как политические доктрины и как ценностные системы принято называть *левыми*. Формально социализм как система ценностей провозглашает, что общественная справедливость устанавливается для человека, на деле же попытки построения социализма в мировой истории приводили к тому, что человек оказывался не целью, а средством для построения общества социальной справедливости. Противоречие здесь кажущееся. Социальная справедливость понимается как возможность равной реализации на практике тех прав, которые принадлежат человеку по праву рождения. Но, сделав акцент на равенстве, социалисты тем самым вольно или невольно поступились свободой. Свобода и равенство являются синонимами только в красивых лозунгах. На деле, если в обществе устанавливается равенство, то свобода уходит на второй план. Если человек уравниен с другими людьми, он не свободен. И наоборот, если люди свободны, то они не равны. Наконец, если в основу ценностной системы координат положены такие понятия, как государство, держава, нация (национальные ценности, национальный дух, национальное государство), то такая аксиологическая система называется *национал-государственной* (или *национал-этатистской*, что

означает то же самое). В политике такие взгляды принято называть *правыми*.

Для того чтобы осознать, каким образом одни и те же исторические факты в различных системах ценностных координат приводят к разным выводам, достаточно одного примера. Зададимся вопросом: какую оценку реформам М.С.Горбачева, именуемым перестройкой, дадут историки, придерживающиеся различных систем ценностей? При изучении данного вопроса выясняется, что историки, придерживающиеся либеральной системы ценностей, в целом дадут положительную оценку перестройке. Это связано с тем, что при всей половинчатости перестроечных реформ, их вектор был направлен в сторону большего уважения прав и свобод человека – экономических, политических, идеологических и других. Историки, которые по своему мировоззрению являются сторонниками социалистической доктрины, разумеется, оценят перестройку отрицательно. Для них она является разрушением самого передового (с их точки зрения) общественного строя. Историки, симпатизирующие национал-государственным ценностям, также относятся к перестройке отрицательно. Не потому, что в ходе ее был разрушен социализм (до социализма национал-государственникам дела нет), а потому, что в ходе перестройки, по их мнению, была разрушена великая держава. Таким образом, оценка одних и тех же реформ при применении разных систем ценностных координат будет различной.

Выяснив, что такое аксиология, вернемся к главным для нас вопросам. *Что означает учет аксиологического фактора в исторической науке? Каким образом аксиологический фактор может способствовать минимизации субъективности и приближению к объективной истине?*

Учет аксиологического фактора вовсе не предполагает того, чтобы каждый конкретный историк проявлял мировоззренческую всеядность. Это невозможно, да и не нужно. Нужно, чтобы исследователь, пришедший к определенным результатам под влиянием собственной системы ценностей, не скрывал эту систему и не выдавал свои выводы за единственно правильную интерпретацию исторического процесса. Иначе будет не столько наука, сколько пропаганда. Надо, чтобы историк, имея право на собственные убеждения, не умалчивал о других выводах и трактовках, которые существуют в иных ценностных координатах.

Так же, как и в случае с гносеологическим плюрализмом, аксиологический плюрализм дает возможность каждому исследователю реализовать кажущиеся ему перспективными подходы. Одновременно он препятствует умолчанию о других точках зрения,

что позволяет увидеть весь комплекс взглядов по сложнейшим вопросам, в результате чего только и можно приблизиться к истине.

Понятно, что принцип плюрализма в познании истории предполагает не только множественность точек зрения, но и множественность способов исторического исследования. Учение о способах (методах) исторического исследования называется методологией истории (как науки). Следовательно, еще одним способом приближения к объективной истине в истории является методологический плюрализм.

Для рассмотрения методологических проблем следует перейти ко второй главе учебного пособия.

Глава II

Методология исторического исследования. Основные методологические подходы и школы

Прежде всего надо отметить, что термин «методология истории» может пониматься в разных смыслах. Этим термином может обозначаться 1) учение о методах исторического исследования, 2) совокупность самих этих методов, 3) теории, объясняющие исторический процесс и лежащие в основе методов исторического исследования. Например, когда говорят «марксистская методология», то имеют в виду не столько марксистское учение о методах исторического исследования, сколько сами марксистские методы исследования, еще точнее – теорию, лежащую в основе марксистского взгляда на историю, которая, в свою очередь, диктует конкретные приемы исследования.

В дальнейшем мы будем пользоваться выражением «методология истории» в отмеченных выше втором и третьем значениях этого термина (в нашей нумерации).

Для чего историку необходимо знание различных методологий?

Покажем это на очень простом и житейском примере. Представим себе на минуту, плотника, у которого в распоряжении один топор. Понятно, что вышедшее из его рук «произведение» будет весьма примитивным, как говорится, «топорным». Если же в его распоряжении будет много инструментов, он может сделать нечто более тонкое и сложное. Конечно, само наличие большого количества инструментов еще не гарантирует качества произведенного продукта, нужно еще и умение работать с ними. Но если инструментов не будет, то никакое умение не поможет.

Методология же – инструмент историка. Если он будет владеть только одной методологией, то результат его исследований будет односторонним, примитивным. Приблизиться к сложной истине в таком случае будет практически невозможно. Если же историк владеет различным инструментарием, то есть различными методологиями, то результат его работы будет более точным и у него будет больше шансов приблизиться к истине.

Естественно, в этом случае закономерно встает вопрос: *может ли историк одновременно пользоваться различными методологиями?* Сочетаются ли разные методологии, могут ли они взаимодополнять друг друга? **Однозначного ответа здесь нет.** Бывает, что теории, лежащие в основе разных методологий, настолько противоречат друг другу, что ни о каком дополнении друг друга не может быть и речи. Но достаточно часто методологии могут сочетаться друг с другом, и тогда работа, исполненная

с привлечением различных методов исследования, имеет гораздо больше шансов на адекватное отражение истории, чем труд, написанный с позиции одной методологии, которая к тому же изначально считается единственно правильной.

Долгие годы в нашей стране была известна лишь *марксистская методология истории*. Марксизм по политическим причинам был объявлен единственно верным учением. Соответственно, все остальные методологии практически не имели распространения. В настоящее время отечественная историческая наука имеет возможность активно использовать методологические достижения мировой науки.

В настоящее время в отечественной исторической науке применяются различные методологии. Несмотря на это, говорить о плюрализме в этой сфере еще рано: многие новые для нас методологические подходы и школы делают только первые шаги. По-прежнему сильна марксистская методология. Разница с прежними годами заключается в том, что сейчас марксизм, несколько модернизируясь, предпочитает открыто о себе не заявлять. Распространенной является ситуация, когда марксизм преподносится учащимся и студентам под видом новых подходов в исторической науке. Поэтому, если раньше изучающие историю, по крайней мере знали, в рамках какой теории она им преподносится, то теперь многие учащиеся, усвоившие в школе именно марксистские взгляды, искренне убеждены, что они осваивали историю в рамках новых теоретических и методологических подходов.

Тем не менее, новые методологические подходы и школы все больше проникают в отечественную историческую науку, в том числе и учебную литературу. Среди таких подходов можно выделить *цивилизационный подход*, *«школу “Анналов”»*, *различные провиденциалистские методологии и др.*

Рассмотрим различные методологии, выделяя при этом их сильные и слабые стороны. При этом начнем с *марксистского (формационного подхода)* как методологии истории по причине его широкого распространения в отечественной исторической литературе.

Для того, чтобы разобраться в сильных и слабых сторонах марксистских методов исторического исследования, необходимо понять сущность марксистской теории исторического процесса, выведенные Марксом законы исторического развития. Другими словами, вначале надо разобраться в *марксистской историософии (или философии истории)*. Выделим ее основные моменты, воздерживаясь пока от оценок и анализа.

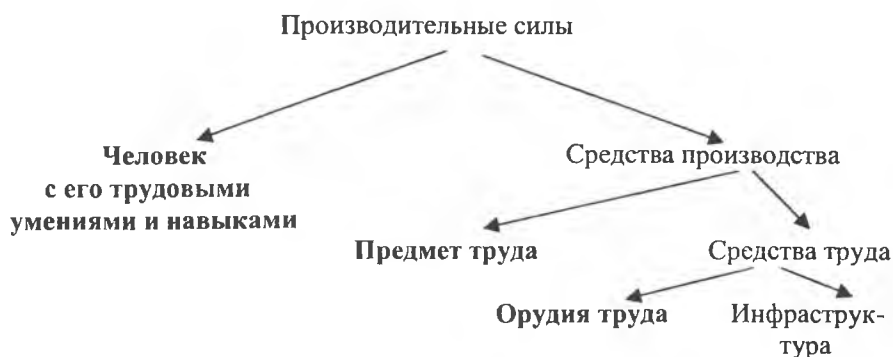
▼ По Марксу история как процесс развивается по своим собственным, не зависящим от человека законам. Эти законы следует

искать в основе общественной жизни – в материальном производстве. Такой подход называют *материалистическим пониманием истории*.

▼ Основа жизни, по Марксу, – материальное производство, постоянное развитие *производительных сил*.

Что обозначается в марксизме под производительными силами? В первую очередь это сам человек с его трудовыми умениями и навыками. Далее, это собирательное понятие *средства производства*, которые, в свою очередь, делятся на *предмет труда* и *средства труда*. Под предметом труда понимается все, на что может быть направлена человеческая деятельность, иначе говоря, это то, из чего что-то делается. (Для земледельца, например, предмет труда – земля). Средства труда – понятие также собирательное и состоит из *орудий труда*, при помощи которых человек осуществляет трудовую деятельность, воздействует на предмет труда, а также того, что на современном языке можно было бы назвать *производственной инфраструктурой* (то есть система коммуникаций, складских помещений и т. п.).

Таким образом, схема производительных сил будет выглядеть следующим образом:

Если выделить основные составляющие понятий «производительные силы», то ими будут человек с его умениями и навыками, предмет труда и орудия труда. Другими словами – это *тот, кто делает; то, из чего делают; и то, при помощи чего делают*. Такая условная формула облегчит запоминание основных составных частей понятия «производительные силы».

Производительные силы развиваются постоянно, так как непрерывно совершенствуются навыки и умения человека, развиваются и орудия труда. Другой вопрос, насколько существующие в обществе производственные отношения влияют на развитие производительных сил.

▼ По Марксу, материальное производство – это общественное производство. Действительно, в одиночку человек не в состоянии произвести все необходимое для жизни. Таким образом, в процессе производства материальных благ человек вступает в отношения с другими людьми. Отношения людей в процессе производства материальных благ, а также их распределения и обмена называются *производственными отношениями*.

▼ Характер производственных отношений зависит от *типа собственности на средства производства*. Например, если собственность является частной, то есть находится в руках лишь части общества, то другая часть, не имея собственности, будет вынуждена выступать в роли наемных работников по отношению к владельцам собственности. Если собственность будет общественной, что предполагалось этой теорией, то характер производственных отношений будет иным, исключаящим эксплуатацию человека человеком.

▼ Диалектическое единство производительных сил и производственных отношений называется *способом производства*.

▼ Производственные отношения могут либо способствовать, либо тормозить развитие производительных сил. Наглядным примером торможения производственными отношениями производительных сил является наличие крепостного права. При крепостнических отношениях невозможно образование рынка рабочей силы, так как работники прикреплены к земле. Следствием этого является невозможность нормального индустриального развития, что тормозит экономику в целом. Примером того, как производственные отношения могут способствовать развитию производительных сил, является, по Марксу, начальный этап развития капитализма. Тогда быстрыми темпами стали развиваться промышленность, торговля, наука и техника, осуществляться знаменитые географические открытия.

Анализ динамики взаимоотношений производительных сил и производственных отношений подвели Маркса к формулировке закона, по которому происходит развитие истории человечества. Этот основной исторический закон получил название *закона соответствия характера производственных отношений уровню развития производительных сил*.

Суть закона сводится к следующему. Если производственные отношения способствуют развитию производительных сил (т.е. соответствуют им), то они, как и составляющий их основу тип собственности на средства производства, остаются неизменными. Если же производственные отношения тормозят развитие производительных сил (не соответствуют им), то обязательно

наступит момент, когда старые производственные отношения будут отброшены и установлены новые, базирующиеся на другом типе собственности, и способствующие развитию экономики.

▼ Несоответствие характера производственных отношений уровню развития производительных сил приведет к смене типа собственности, изменению производственных отношений, развитию производительных сил и, таким образом, к изменению характера способа производства. Но изменится не только способ производства, изменятся и все остальные составляющие человеческого общества. Новый тип собственности приведет к формированию того, что в марксизме называется *социально-классовой структурой общества*. Новая система производственных отношений будет новым *экономическим базисом*. Новый базис приведет к обновлению того, что в марксизме называется *надстройкой*. К надстройке относятся как система так называемых учреждений, среди них, например, государство, так и система идей, к которой могут относиться идеология, мораль и многое другое.

Итак, действие закона соответствия приводит к тому, что вместе с ломкой старых производственных отношений меняется весь тип общества. Тип общества, включающий перечисленные выше черты, называется *общественно-экономической формацией (ОЭФ)*. Процесс смены общественно-экономических формаций в марксизме называется *социальной революцией*. (Существует еще термин «политическая революция», которым обозначается процесс смены власти без изменения ОЭФ).

История человеческого общества, таким образом, является сменой общественно-экономических формаций. На этом основании марксистский подход к истории называют *формационным подходом*.

▼ Какие общественно-экономические формации выделяет марксизм в истории человечества? Отвечая на этот вопрос, чаще всего говорят о так называемой «пятичленке»: первобытнообщинном строе, рабовладельческой формации, феодализме, капитализме и коммунизме, состоящем из двух стадий – социализма и собственно коммунизма. На деле все обстоит несколько сложнее.

Так называемая «пятичленка» результат последующего упрощения теории Маркса в нашей стране. На самом деле Маркс выделял следующие ступени исторического развития: первобытнообщинный, античный, азиатский, феодальный, буржуазный и коммунистический способы производства. В этой схеме мы видим вместо привычного рабовладельческого способа производства античный и азиатский. Маркс отмечал господство рабовладения в античном способе производства. Говоря же об азиатском способе производства, Маркс выделял два

характерных для него начала – государственность и общинность, коллективизм. В азиатском способе коллективная собственность на землю переходит к государству. Государство олицетворяется деспотом, правящим при помощи своих ставленников. Население находится в полной зависимости от государства.

В политологической литературе есть версия, что Маркс не довел до конца анализ азиатского способа производства, так как увидел в нем опасную параллель для столь перевозимого им государства диктатуры пролетариата. Дело в том, что в этом способе производства господствующая роль реально принадлежит бюрократии, а оппоненты Маркса говорили, что диктатура пролетариата превратится как раз в диктатуру бюрократии, в том числе и над пролетариатом.

Примечательно, что В.И.Ленин в статье о Марксе, написанной им для энциклопедии «Гранат», цитировал высказывание об азиатском способе производства, а уже после революции, читая лекцию «О государстве», упоминание об азиатском способе производства пропустил. Высказывается предположение, что причиной этого является опасная параллель между тем, что Маркс относил к далеким досоциалистическим способам производства и тем, что реально существовало в Советской России.

Состоявшаяся в отечественной исторической литературе в начале 30-х годов дискуссия об азиатском способе производства пришла к выводу, что это такой же рабовладельческий строй, как и античный. Впоследствии об азиатском способе производства у нас предпочитали не упоминать и сформировавшаяся в сталинский период «пятичленка» стала выдаваться за взгляд самого Маркса. Таким образом, марксистский подход сложнее того, что у нас привыкли понимать под формационным подходом.

Как бы то ни было, марксистский взгляд на историю сводится к тому, что народы и страны проходят в своем развитии путь от первобытнообщинного строя к коммунизму. История человечества изображается в виде своеобразного «формационного коридора». Разнообразии мира объясняется тем, что разные страны находятся в рамках разных общественно-экономических формаций. Считалось, что те страны, которые, с точки зрения марксизма, находятся на стадии феодализма, обязательно перейдут к капиталистической системе развития, а те, что являются капиталистическими, посредством социалистической революции перейдут к следующей формации.

Таковы основные положения марксистской теории исторического процесса. *К каким методам исторического исследования приведет данная теория?*

Марксистская теория при трансформации в совокупность методов исторического исследования приводит к следующим

результатам. Историк, работающий в рамках марксистской методологии, прежде всего будет анализировать, в рамках какой общественно-экономической формации и на каком ее этапе находится та или иная страна. При анализе общественной жизни он будет в первую очередь обращать внимание на социально-экономические отношения: уровень развития материального производства, тип собственности на средства производства, соотношение производительных сил и производственных отношений. Особое внимание историк-марксист будет уделять классам и классовым отношениям, классовой сущности всех явлений политического и духовного порядка: государства, идеологии, морали и культуры. Предметом его особой заботы будет поиск предпосылок революции, революционных ситуаций, анализ и описание самих революций.

Как и любая методология истории, марксизм обладает своими сильными сторонами. Безусловно положительным следует признать попытку выделить в историческом процессе некоторую субстанциональную основу, то есть то, что определяет ход истории; выделить и обосновать объективные законы развития человеческого общества.

Марксистская методология отличается четкостью и логичностью. Она позволяет уложить многообразные факты человеческой истории в стройную схему. Эту черту данной методологии в качестве ее сильной стороны отмечают даже противники марксизма. Один исторический публицист (являющийся принципиальным противником марксизма) отмечал, что, когда он читает Маркса, ему кажется, как кто-то, склонившийся над его ухом, говорит ему: «Сейчас я открою тебе тайны истории».

Марксизм претендует на всеохватность, на объяснение всех сторон человеческой жизни. Эта целостность, тотальность марксистского мировоззрения делала его привлекательным для многих, в частности, для представителей русской интеллигенции XIX века, стремившихся именно к такому типу мировоззрения.

Наконец, марксистская методология обладает четким и детально разработанным понятийным аппаратом.

Какие слабые стороны характерны для марксистской методологии?

Долгие годы, когда по политическим причинам марксистская методология в нашей стране считалась единственно правильной, говорить о ее слабых сторонах было недопустимо. В настоящее время стал возможным объективный анализ марксизма, появились публикации, отмечающие его слабые стороны – как в политической и исторической теории, так и в методологии истории. Стали доступными и многочисленные зарубежные работы на эту тему. Многие, что и раньше

бросалось в глаза, теперь является предметом открытого обсуждения. Все это позволяет выделить слабые стороны этой методологии.

Следует отметить, что попытка некоторых ученых представить ставшие явными слабые стороны марксизма методологическим кризисом в исторической науке, является несостоятельной. В любой науке осознание недостаточности того или иного способа исследования всегда полезнее, чем упорствование в нем. Кроме того, современное состояние исторического знания предоставляет ученым возможность пользоваться различными методологиями исторического исследования. Поэтому попытку изобразить данную ситуацию как кризис можно объяснить либо приверженностью старым догмам и стереотипам, либо принципиальным монизмом, стремлением к некоей (не обязательно марксистской) единственно правильной методологии исторической науки.

▼ Вызывает сомнение попытка марксизма изобразить многообразную человеческую историю в духе так называемого *линейного прогрессизма*, предполагающего, что все страны движутся в одном направлении, развиваются по одним и тем же законам и критериям прогресса. Стремление марксизма унифицировать разнообразные проявления истории подвергаются в настоящее время критике во многих исследованиях.

▼ Вызывает возражение и стремление свести многообразие исторического развития к формационным характеристикам. Это приводит к тому, что получило название *формационный редукционизм*, то есть к выпадению многих явлений истории из марксистской интерпретации, так как они не вписываются ни в формационные характеристики, ни в марксистский категориальный аппарат (термин происходит от латинского слова *reductio*, который означает, в частности, упрощение, сведение сложного процесса к более простому).

В чем конкретно проявляется формационный редукционизм? При анализе экономики он приводит, например, к тому, что не уделяется должного значения многоукладности. Экономический уклад в марксизме рассматривается либо как остаток прежней формации, либо как еще не развившиеся черты новой формации. Между тем, любая экономика всегда многоукладна. В социальной сфере формационный редукционизм приводит к сужению социальной структуры. Рассматриваются, как правило, так называемые основные классы (в рабовладельческом обществе – это рабовладельцы и рабы, в феодальном – феодалы и крестьяне, в капиталистическом – буржуазия и пролетариат). Между тем, социальная структура любого общества несравнимо сложнее. Многочисленные социальные группы не подпадают под классовые характеристики, и тем не менее реально существуют. Сословия, профессиональные группы,

маргиналы, нации, конфессии и многое другое не находят или почти не находят анализа в марксизме.

Стремление свести социальные группы к классовым характеристикам приводит сторонников марксизма (особенно упрощенного, вульгарного) к тупиковым ситуациям. Например, они испытывают большие затруднения при определении сущности крестьянства и интеллигенции. Крестьянство в отечественной исторической литературе советского периода упорно называлось мелкой буржуазией. К этому приводила попытка перевести сословные характеристики в классовые. В свое время социал-демократы в России никак не могли отнести крестьян к рабочему классу (не к пролетариату, а именно к более широкому понятию – рабочий класс, как это предлагали, например, социалисты-революционеры). Основание – крестьяне обладают собственностью – значит, они – буржуазия. С другой стороны, собственность небольшая, да и трудятся они сами (была даже такая формула: наполовину – труженики, наполовину – собственники), значит – мелкая буржуазия. Еще больший конфуз получался с интеллигенцией, которая упорно не желала вписываться в классовые характеристики. Её упорно именовали буржуазной интеллигенцией, хотя в своей основе эти люди (так же, как и пролетарии) продавали свою способность к труду, только не к физическому, а к умственному. (Существовала даже формула – «пролетарии умственного труда»). В советское время Сталин объявил «трудовую интеллигенцию» «прослойкой», наряду с классами социалистического общества – рабочим классом и колхозным крестьянством. Все эти «мелкие буржуазии» и «прослойки» – свидетельство слабости марксистской методологии при анализе социальной структуры.

▼ Для марксистской методологии характерна *гипертрофия классового подхода*. В политической сфере это приводит, например, к примитивному пониманию сущности государства, которое оценивается лишь как орудие господствующего класса. Классовая борьба трактовалась как движущая сила истории. История, по сути, сводилась к классовой борьбе и революциям. В идеологической сфере акцент делается на классовом характере идей. Даже к науке и культуре марксисты подходят с классовых позиций. На практике это часто принимало вульгарные формы: например, в послевоенные годы в СССР генетику и кибернетику именовали не иначе, как буржуазными лженауками. Одни произведения литературы и искусства характеризовались как соответствующие пролетарской идеологии, другие – как реакционные и буржуазные.

Акцент на классовом подходе приводил к тому, что влияние религиозного, национального, географического, геополитического, природно-климатического и других факторов, оказывающих существенное

воздействие на историю той или иной страны, уходило на второй план или вовсе игнорировалось.

▼ Акцент на материальном производстве, производительных силах и производственных отношениях приводит марксистскую методологию к тому, что она страдает *социально-экономическим детерминизмом*. Другими словами, ход истории в этой методологии оказывается предопределенным социально-экономическими отношениями. Хотя марксизм не отрицает роль субъективного фактора, говорит и об относительной самостоятельности того, что он называет надстройкой, на практике получается иначе. Как правило, из исторических исследований, написанных в марксистских рамках, выпадает и самостоятельная роль политической истории, и сам человек. Марксистская история «обезлюдяет»; реальные, живые люди с их мыслями, чувствами, переживаниями уходят на второй план. Человек рассматривается лишь как составляющая класса и производительных сил, а сама история на страницах марксистских книг выглядит как сплошное взаимодействие производительных сил и производственных отношений.

▼ Названный выше недостаток приводит к тому, что в марксистской историографии не получил отражения *альтернативный подход к истории*. Данный подход предполагает, что на определенных моментах исторического развития существует возможность выбора и история может пойти различными путями. Разумеется, в конечном счете, она избирает один из возможных путей, а все остальные оказываются нереализованными историческими альтернативами. Альтернативный подход предполагает выделение всех возможных вариантов исторического развития в конкретный момент времени и, самое главное, выявление факторов, которые способствовали именно такому историческому выбору, который был сделан. Разумеется, теория, которая всю мировую историю выстраивает в некий «формационный коридор» не может уделять должного внимания альтернативности, вариативности исторического процесса.

Таким образом, марксистская методология приводит к тому, что история в ее изображении оказывается историей социально-экономических отношений, классовой борьбы, войн и революций. Историки-марксисты преимущественно заняты выявлением предпосылок революций, описанием их хода, последствий, и подготовки к новым революциям. Разумеется, такой подход обедняет реальную историю. Поэтому, используя положительные стороны данной методологии, считать ее единственно верной нет никаких

оснований. Для более адекватного отображения исторического процесса необходимо использовать достижения других методологий.

Рассмотрим теперь *цивилизационный подход* как методологию исторической науки.

Под единым понятием «цивилизационный подход» следует понимать два аспекта этого подхода. Они базируются на столь принципиально разных исходных посылах, что правильнее было бы говорить о двух разных цивилизационных подходах. Один из них исходит из того, что у разных стран существует единое направление исторического развития, единый ход истории. Понятие «цивилизация» при этом будет пониматься как ступень в развитии всего человечества, характеризующаяся определенными качественными параметрами. Другой исходит из того, что многообразие мира не позволяет говорить о единой направленности исторического процесса и единых критериях прогресса, что мир представляет из себя совокупность цивилизаций, развивающихся по-разному и в разных направлениях. Понятие «цивилизация» в этом смысле означает определенный тип общества.

Цивилизационный подход в первом смысле появился раньше, поэтому именно к нему и приложимо данное название. Но, чтобы не путать с другим аспектом этого же подхода, можно условно назвать его «глобальным цивилизационным подходом», или *цивилизационным подходом в рамках теории линейного прогрессизма*. Другой же аспект цивилизационного подхода правильнее называть «теорией локальных цивилизаций».

Чем характеризуется цивилизационный подход в рамках теории линейного прогрессизма?

Данная теория исходит из того, что у всех стран и народов существует единая цель развития, единые критерии прогресса и, следовательно, единое направление исторического процесса.

Идея цивилизации как ступени развития в истории человечества возникла в эпоху Просвещения. Цивилизация понималась как состояние общества, противостоящее дикости и варварству. Ее появление связывалось с производящим хозяйством, разделением труда, появлением ремесла и торговли, определенного уровня культуры, а также с наличием классов, частной собственности, государственно-правового регулирования человеческих отношений.

Данный подход выделил, таким образом, следующие ступени в истории человечества: *дикость – варварство – цивилизация*. В настоящее время в рамках данного подхода выделяются другие ступени:

традиционное (аграрное) общество – индустриальное (техногенное) общество – постиндустриальное (информационное) общество.

Нетрудно заметить сходство данного цивилизационного подхода с марксистским. И там, и там присутствуют идеи линейного прогрессизма: единая цель и единое направление исторического процесса, стремление к унификации человеческой истории.

Но есть и существенные различия. Марксистский подход выделяет другие ступени в истории человечества и по другим критериям. Он делает акцент на стадильности, на прерывистости исторического процесса, всячески подчеркивая роль социальных революций. Цивилизационный подход делает акцент на непрерывности, эволюционности развития человеческого общества. Он позволяет преодолеть жестко заданные формационные рамки.

Например, без цивилизационного подхода невозможно выделение такого важного исторического и политического понятия, как тоталитаризм. Тоталитарными странами, как уже отмечалось выше, называются те, в которых правящий режим стремится установить контроль за *всеми* сферами жизни общества. Такими странами были, например, сталинский Советский Союз и гитлеровская Германия.

Формационный подход разводит эти страны по разным ОЭФ: Советский Союз считается страной социалистической, а гитлеровская Германия – капиталистической. В рамках формационного подхода получается, что демократическая Англия будет находиться в одной группе стран вместе с фашистской Германией, а сталинский СССР – в другой. На деле же получается совсем по-другому: между Англией и Германией огромная пропасть, между тем, как Германия и СССР, при формальной разнице в целях развития и в конкретном наполнении общественных систем, похожи друг на друга. И там, и там правящая элита контролирует все сферы жизни общества. И там, и там существует монополия в политической жизни (единственная партия, объявленная руководящей силой общества), монополия в идеологической сфере (единственная идеология, объявленная верной, а остальные – ошибочными и вредными). Происходит сращивание партийного аппарата с государственным, террор становится средством внутренней политики, уменьшается роль права и закона, насаждается психология «осажденной крепости». В Германии это делалось для построения «великого национального государства», в СССР – для построения социализма и коммунизма, но разница целей, повторим, совершенно не повлияла на сходство существовавших в этих странах систем.

Очевидно, что понятие «тоталитаризм» преодолевает формационные рамки благодаря общим (цивилизационным) характеристикам, и это преодоление позволяет воссоздать более адекватную картину исторического процесса.

В чем суть теории локальных цивилизаций?

Теория локальных цивилизаций в последнее время становится широко распространенной, в том числе и в учебной литературе. Примечательно, что там эта теория называет себя цивилизационным подходом без всяких оговорок о том, что существует другой аспект этого понятия. Это следует иметь в виду, чтобы не путать, в рамках какого именно цивилизационного подхода написан тот или иной учебник.

Теория локальных цивилизаций возникла как реакция на попытки унифицировать многообразную человеческую историю. **Данная теория исходит из следующих посылок:**

- история человечества – не однолинейный, а многообразный, многовариантный процесс;**
- не существует единых критериев исторического прогресса, нельзя изображать в качестве таковых европейские представления о прогрессе;**
- не существует единой мировой истории; история человечества представляет собой совокупность истории различных локальных цивилизаций, которые понимаются как основные типологические единицы исторического процесса. У каждой цивилизации – свои законы и свое направление развития.**

Какова история возникновения теории локальных цивилизаций?

Одним из основателей теории локальных цивилизаций был русский ученый, ботаник по профессии (историей и политикой он просто увлекался) *Николай Яковлевич Данилевский*. В 1868 году он завершил работу над рукописью книги «Россия и Европа», в 1869 году состоялась журнальная публикация, а в 1871 году «Россия и Европа» вышла отдельной книгой. В ней Н.Я.Данилевский представил историю человечества как историю отдельных, не связанных друг с другом *культурно-исторических типов*. Этим термином он обозначал, по сути, то, что сейчас называется локальной цивилизацией. Основами (критериями) для выделения культурно-исторических типов он считал религиозную, культурную, политическую и общественно-экономическую деятельность. Всего в книге было выделено 13 типов, из них автор особо выделил славянский культурно-исторический тип – как четырехосновный, то есть базирующийся на всех четырех основах (критериях). Такое предпочтение славянского типа связано с политическими взглядами Данилевского, который резко отрицательно относился к Европе. (Надо отметить, что книга вообще предельно политизирована, создается даже впечатление, что автор написал ее не для того, чтобы обогатить методологию исторической науки, а для того, чтобы с помощью сконструированной им схемы подвести теоретическую базу под свои политические взгляды). В работе «Россия и Европа» выделены также законы развития культурно-исторических типов.

В 1918 году вышла знаменитая книга Освальда Шпенглера «Закат Европы». Автор предрекал упадок западноевропейской цивилизации. Нетрудно заметить, что здесь понятие «цивилизация» используется не как ступень в развитии, а как определенный тип общества.

Огромный вклад в разработку теории локальных цивилизаций внес английский историк Артур Тойнби. Он проделал большую работу для обобщения фактического материала и выделения цивилизаций как типов общества. Сначала в теории Тойнби насчитывалось 100 цивилизаций, затем, в результате укрупнения критериев для их выделения число их сократилось до 36, затем 28, а потом до 13. Остальные общества он считал вариантами самостоятельных цивилизаций.

Есть и другие известные исследователи цивилизаций как основных типологических единиц истории.

Какое определение дается понятию цивилизация в рамках теории локальных цивилизаций? Что является критериями для выделения понятия «цивилизация»?

Существует множество определений понятия «цивилизация» в рамках теории локальных цивилизаций. Все эти определения, как правило, достаточно сложны. Приведем некоторые из них: «Цивилизация – сложная общественная система, имеющая внутренний механизм функционирования. Это сообщество людей, имеющих сходную ментальность (в данном контексте – восприятие действительности), общие основополагающие духовные ценности и идеалы, устойчивые особенные черты в социально-политической организации, экономике, культуре». Или: «Цивилизации – это целостности, части которых согласованы друг с другом и взаимозависимы. ... Все аспекты социальной жизни цивилизации, находящейся в стадии роста, скоординированы в единое социальное целое, где экономические, политические и культурные элементы согласованы в силу внутренней гармонии» (данное определение принадлежит А.Тойнби).

Как видно из определений, цивилизация выделяется по большому количеству критериев. Это географические, природные, религиозные, экономические и другие разнообразные факторы. Множество критериев затрудняет понимание сущности цивилизаций. Кроме того, многие из этих факторов далеко не безобидны. Так, привычное выделение цивилизаций по национально-этническому признаку далеко не безобидно в политическом смысле, да и исторический материал свидетельствует, что цивилизация является внациональным феноменом. Выделение цивилизаций по региональному признаку также малопродуктивно. В разных регионах могут существовать сходные общества.

В настоящее время наблюдается тенденция выделения вместо отдельных цивилизаций более крупных понятий, именуемых «*типы цивилизаций*». Историков, придерживающихся теории локальных

цивилизаций, заставили сделать это трудности с многочисленными критериями цивилизации, несостоятельность многих из них, большой разброс в количестве выделенных цивилизаций. Обычно в учебной литературе выделяют следующие три типа цивилизаций: *природные общества (непрогрессивная форма существования), восточный тип цивилизации, западный тип цивилизации (тип прогрессивного развития)*.

К природным обществам относят народы, живущие в рамках природного годового цикла, в единстве с природой (аборигены Австралии, индейцы в Америке, многие племена в Африке, малые народы Сибири и Севера Европы). Характерной чертой этого типа цивилизации является то, что относящиеся к нему народы существуют вне исторического времени. В их сознании отсутствует понятие прошлого, будущего, нет идей о необходимости изменения и развития.

К характерным чертам восточного типа цивилизации относят обычно следующие: циклическое развитие общества; огромную роль государства, тип которого – деспотия; вертикальный характер общественных отношений, когда все связи в обществе замкнуты на властных структурах; сильно развитый коллективизм, общинность, полное подчинение личных интересов общим; детальная религиозная регламентация жизни; сосредоточенность на духовном.

К чертам западного типа общества, как правило, относят: прогрессивное, поступательное развитие; либеральную систему ценностей, при которой человек является высшей ценностью; частную собственность; индивидуализм; преимущественное развитие тех функций государства, которые направлены на защиту прав человека.

Такова сущность теории локальных цивилизаций. Теперь следует остановиться на вопросах: *к каким положительным сторонам приводит использование данной теории как методологии исторического исследования? Какие слабые стороны этой методологии можно выявить?*

Применение теории локальных цивилизаций как методологии исторического исследования позволяет преодолеть многие минусы формационного подхода. Данная методология преодолевает экономический детерминизм, учитывает влияние на исторический процесс самых разнообразных факторов, а, следовательно, позволяет более адекватно реконструировать историю. Историческое развитие разных типов цивилизации не унифицируется, не подгоняется под одну схему. Европейские критерии прогресса не выдаются за универсальные. История характеризуется несравненно большими параметрами, чем формационные характеристики.

Теперь о слабых сторонах этой методологии. Прежде всего, следует отметить опасность наметившейся тенденции, когда теория локальных цивилизаций подчас выдается за новую единственно

правильную методологию. Учебники, написанные в ее рамках, как правило, не отмечают ее недостатков. Складывается впечатление, что склонность к целостному, тотальному мировоззрению в нашей историографии осталась, меняются лишь конкретные оценки. Стремление найти новое единственно правильное учение приведет лишь к замене одной методологической монополии на другую. Между тем, наука немыслима без многообразия точек зрения и столкновения между ними.

Конкретные недостатки данной методологии имеют как сугубо научный, так и морально-политический характер.

Говоря о научных, следует отметить:

▼ не разработаны четкие критерии для выделения понятия цивилизация в локальном смысле. Отсутствует четкий категориальный аппарат;

▼ данная методология затрудняет выделение общих закономерностей исторического развития. Конечно, не надо их изобретать искусственно, но и существующая при определенных критериях цивилизации «атомизация» человеческой истории не способствует научному анализу;

▼ данная методология убедительно так и не доказала, что называемые локальными цивилизациями общества – это именно цивилизации, а не просто разные ступени развития всего человечества. Особенно это касается так называемых природных цивилизаций и относящихся к ним народов. Сторонники рассматриваемой методологии ссылаются на то, что попытки привить им другие цивилизационные ценности кончаются плачевно, даже приводят к вымиранию этих народов. При этом умалчивается, по меньшей мере, о двух обстоятельствах. Во-первых, и без привития других ценностей эти народы вымирают. Во-вторых, можно привести массу примеров, когда представители этих «природных народов» с большим удовольствием пользуются плодами цивилизации в европейском смысле и не собираются возвращаться к родным чумам и ярангам. А может быть, эти народы демонстрируют человечеству его детство? Разумеется, стадия детства может затянуться, но это вовсе не значит, что не существует таких понятий, как зрелость и старость.

Что касается морально-политических моментов, то они, конечно, не должны абсолютизироваться, так как сформулированы в рамках одной системы ценностей – либеральной. Тем не менее, они обращают на себя внимание.

▼ Теория локальных цивилизаций отрицает общечеловеческие ценности. Между тем, это понятие не только продуктивно политически, так как не разъединяет, а объединяет людей, но и существует реально. Людям разных мест проживания и разного уровня развития, разной

национальной и религиозной принадлежности свойственны стремление к миру и благополучию, здоровью и достатку, обеспеченности будущего своих детей и собственной старости, экологической безопасности и общественному порядку. Разъединение же в теории по цивилизациям в лучшем случае приводит к тезису о трансформации общечеловеческих ценностей в национальные, в худшем – к отрицанию общечеловеческих ценностей как химеры.

▼ Отрицается понятие «цивилизованная страна» в привычном, обыденном смысле слова. Получается, что все страны являются цивилизованными (но по-своему). На этом основании можно назвать цивилизованным общество, где на первое место ставится ценность человеческой личности и, в то же время, цивилизованным можно назвать общество, где ценится количество снятых скальпов, съеденных людей или, допустим, публичные казни. Как бы благословляется все, что есть. Но этот подход приводит к размыванию нравственных критериев со ссылками на цивилизационные особенности.

▼ Теория локальных цивилизаций отрицает прогресс в его европейском понимании. Споры о том, есть ли прогресс и каковы его критерии, ведутся давно и, скорее всего, не имеют научного решения. Как быть в такой ситуации? Предполагать наличие прогресса морально оправдано и продуктивно, так как это ставит перед народами цель развития. Отрицание же прогресса и цели развития под предлогами борьбы с вестернизацией, американизацией и унификацией – отнимает стремление улучшить жизнь и благословляет отсталость.

▼ Отрицание общечеловеческих ценностей, прогресса и его либеральных критериев (когда более цивилизованной считается страна, где больше ценится человеческая жизнь и человеческая личность), размывание самого понятия «цивилизованная страна», – все это в политическом плане может быть использовано для благословения сомнительных исторических экспериментов, неэффективных общественных систем и антигуманных политических режимов. Разумеется, сама теория локальных цивилизаций не имеет к этому никакого отношения. Вообще, ответственность теории за ее политическую интерпретацию – тема отдельного разговора. Но если ставится вопрос об ответственности марксизма, то целесообразно поставить вопрос и о морально-политических аспектах теории локальных цивилизаций.

Еще одной важной методологией, широко распространенной в европейской исторической науке, является *«школа "Анналов"»*. *В чем суть и значение данной методологии?*

В 1929 году во Франции стал издаваться журнал «Анналы: экономика – общество – цивилизация». Он был основан известными историками Марком Блоком и Люсьеном Февром. Постепенно вокруг

журнала стало складываться научное направление, которое получило условное название «школа "Анналов"». Данное направление с полным основанием может считаться одной из перспективных методологий исторического исследования. В течение последних десятилетий вырос международный престиж журнала, сложилось влиятельное течение его последователей. Таким образом, указанная методология в последнее время является одним из самых влиятельных направлений мировой исторической науки.

Особенностью «школы "Анналов"» является внимание к человеческому сознанию, индивидуальному и массовому, к мировосприятию людей.

Как складывалась «школа "Анналов"», каковы ее основные положения? Представители данного течения (так называемые «анналисты») исходили из того, что какие-то глобальные теории исторического процесса, глобальные методологии, конечно, необходимы. Без них невозможно обобщение огромного количества исторических фактов, они ориентируются на объективность исследования, абстрагируются от непосредственных участников исторического процесса, которые не всегда способны воспринять окружающую их эпоху адекватно. Вместе с тем представители «школы "Анналов"» поставили вопрос: достаточно ли такого отчуждения от непосредственных участников исторического процесса для его полнокровного воспроизведения? Не грозит ли ориентация на объективность модернизацией прошлого? Ведь историки, обобщающие многочисленные факты прошлого и руководствующиеся при этом какой-либо теорией, исходят совсем из другой системы ценностных координат. Не переносят ли они на прошлое свои представления и представления своих «объективных методологий»?

Для того, чтобы убедиться, что модернизация истории может привести к непониманию прошлого, достаточно простого примера. Из разнообразных исторических источников, и даже из написанной в прошлые столетия художественной литературы видно, как мало ценилась тогда человеческая жизнь, как часто она приносилась в жертву религиозным, сословным и иным предрассудкам, которые, с точки зрения человека сегодняшнего дня, могут показаться ничтожными. Если оценивать поступки людей прошлого, исходя из современной либеральной системы ценностей, то эти люди часто могут показаться варварами, зверьми, «недочеловеками». Но были ли они такими на самом деле? Может быть, они просто действовали в рамках совсем иных понятий, другой ценностной системы координат? Мы, конечно, можем осудить их, но вот будем ли мы понимать этих людей, если мы не знаем, как они воспринимали окружающий мир?

По этому поводу неоднократно высказывался один из основателей «школы "Анналов"», Марк Блок. Вот несколько рассуждений из его

знаменитой работы «Апология истории»: «Достаточно ли мы уверены в самих себе и в собственном времени, чтобы в сонме наших предков отделить праведников от злодеев? *Не глупо ли, возводя в абсолют относительные критерии индивидуума, партии или поколения, прилагать их к способу правления Суллы в Риме или Ришелье на Генеральных штатах христианнейшего короля?»* «... история, слишком часто отдавая предпочтение наградному списку перед лабораторной тетрадью, приобрела облик самой неточной из всех наук – бездоказательные обвинения мгновенно сменяются бессмысленными реабилитациями. ... Полбеда, если бы приговор только следовал за объяснением, тогда читатель, перевернув страницу, легко мог бы его пропустить. К несчастью, привычка судить в конце концов отбивает охоту объяснять. ...Насколько легче выступать «за» и «против» Лютера, чем понять его душу».

Марк Блок отмечал, что существует два способа быть беспристрастным: как историк и как судья. Настоящий ученый никогда не утаит, а зарегистрирует и даже спровоцирует опыт, который, возможно, опровергнет самые дорогие его теории. Честный судья, каково бы ни было его тайное желание, допрашивает свидетелей с одной лишь заботой – узнать факты во всей их подлинности. Но наступает момент, когда пути их расходятся. Если ученый провел наблюдение и дал объяснение – его задача выполнена. Судье же предстоит еще и вынести приговор. Если он, подавив личные симпатии, вынес приговор, следуя закону, он считает себя беспристрастным. И, действительно, будет таковым, но по мнению судей, а не по мнению ученых. Ибо невозможно осудить или оправдать, не основываясь на какой-то шкале ценностей. Что один человек убил другого – это факт, который в принципе можно доказать. Но чтобы покарать убийцу, мы должны исходить из тезиса, что убийство – вина, а это, по сути, всего лишь мнение, относительно которого не все цивилизации были единодушны.

Разумеется, пафос высказываний М.Блока не в том, чтобы требовать от историка отказа от оценок, в том числе моральных, а в том, чтобы историк не возводил в абсолют систему ценностей свою лично и своего поколения.

Такой ход рассуждений привел «анналистов» к тому, что они раньше других историков поставили вопрос о необходимости изучения **мировосприятия основной массы людей в прошлом**. Они ввели в научный оборот термин, который в настоящее время используется в различных науках, а именно – *ментальность* (или, в немецкоязычной транскрипции, *менталитет*).

Существует огромное количество определений термина «ментальность». Например, в состоявшейся в 90-е годы XX в. дискуссии по поводу «школы "Анналов"», давались следующие определения:

«Ментальность – это совокупность образов и представлений, которой руководствуются в своем поведении члены той или иной социальной группы и в которой выражено их понимание мира в целом и их собственного места в нем»;

«Ментальность – это эмоциональная предрасположенность, бессознательные способы поведения и реакций»;

ментальность – это то, что «обладает человеком», что «не сформулировано и в принципе не поддается формулировке ее носителем»;

«Ментальность – это психология, поставленная в контекст социальных условий», это «способы чувствования и мышления; силы, формирующие привычки».

Существуют и другие определения. Например:

«Ментальность – это особый набор привычек мышления, обнаруживающийся как нечто самоочевидное для человека данного типа культуры на определенном историческом промежутке времени»;

«Ментальность – это то, что заставляет человека воспринимать мир так, как он его воспринимает».

Нетрудно убедиться, что это понятие с трудом поддается четкому определению, о чем свидетельствуют многочисленные и разнообразные формулировки. Некоторые ученые полагают, что именно в силу своей неопределенности данное понятие может способствовать появлению оригинальных исследований.

При всем разнообразии определений, чаще всего о ментальности говорят как об умонастроении, складе ума, с одной стороны (часто именно в этом смысле употребляются такие выражения, как «ментальность народа»), а, с другой стороны, как о мироощущении, мировосприятии людей. В контексте теории «школы "Анналов"» последнее значение понимается как **мировосприятие основной массы людей в прошлом.**

«Школа "Анналов"» вывела историческую науку на новый уровень, благодаря которому она старается не потерять человека за жесткими социологическими схемами. Эта теория преодолевает чрезмерный акцент на материальном факторе. Она вводит в научный оборот совершенно новый круг исторических источников, отражающих повседневную жизнь и быт людей, их мысли и чувства. Наконец, «школа "Анналов"» обращает наше внимание на различную скорость течения разных исторических процессов. Она выделяет три типа исторического времени: быструю, среднюю и медленную историю. «Быстрая история» – это история политическая, где ситуация может меняться каждый день. «Средняя история» – это история социально-экономическая, где происходят более медленные процессы. И, наконец, «медленная история» – это история ментальностей, которые меньше всего подвергаются изменениям.

Таким образом, «школа "Анналов"» позволяет реконструировать прошлое через взгляд на него человека, жившего в этом прошлом. Данный подход, без сомнения, обогащает историческую науку и приводит к более глубокому пониманию истории.

Какие распространенные методологии исторического исследования можно ещё выделить?

Довольно широкое распространение получили теории, которые объясняют исторический процесс Божественной волей (волей Провидения), или религиозным фактором, т.е. верой людей в эту волю. Методологии, базирующиеся на основе этих теорий, ориентируют на объяснение истории путем выявления объективных законов развития, базирующихся либо на воле Провидения, либо на роли религии в обществе. Часто подобные методологии носят название *провиденциалистских*.

Типично провиденциалистской методологией являются взгляды знаменитого русского мыслителя П.Я.Чаадаева, изложенные в его первом «Философическом письме». Там он объяснял ход истории Божественной волей, а путь развития человеческого общества – как реализацию задачи, поставленной Провидением, а именно – построения Царства Божьего на Земле. Он считал, что все исторические беды России объясняются тем, что она, приняв православие, откололась от подлинного (по его мнению) христианства и выпала из семьи европейских народов, успешно идущих по пути, начертанному Провидением.

Примером объяснения истории влиянием религиозного фактора, является теория известного историка, социолога, экономиста Макса Вебера, анализирующая причины появления капитализма. Вебер заметил, что капиталистические отношения успешнее и быстрее развивались в странах с протестантской верой. Он объяснил это тем, что данная вера ориентировала человека не на смирение, не на подчинение, а на активное самоопределение в мире. Проявляя предприимчивость, человек не только решал личные проблемы, но и совершал богоугодное дело. Так протестантская вера сформировала дух капитализма.

Разумеется, можно выделить еще много других методологических подходов и школ. Но и приведенные выше показывают, что каждая методология обладает своими сильными сторонами, которые должен использовать историк. Ориентация на разработку некоей теории и методологии, способной охватить всю сложность и многообразие исторического процесса, в принципе бесперспективна. Любая историософия, претендующая на универсальность, монополию и абсолютное знание, не выдерживает

испытания временем. Историк должен владеть разными методологиями. Чем богаче и совершеннее инструментарий историка, тем более ярким и достоверным является историческое знание, предлагаемое им обществу.

Глава III

Исторические источники и их критика

Прежде всего необходимо выяснить, *что означает понятие «исторические источники» и для чего необходимо умение работать с ними?*

Историк начисто лишен возможности лично устанавливать факты, которые он изучает. Ни один египтолог не видел фараонов. Ни один специалист по наполеоновским войнам не слышал пушек Аустерлица. О предшествующих эпохах можно говорить лишь на основании оставшихся от них свидетельств. Как отметил Марк Блок (о котором уже шла речь), историк играет роль следователя, пытающегося восстановить картину преступления, при котором он сам не присутствовал, или физика, вынужденного из-за гриппа сидеть дома и узнающего о результатах своего опыта по сообщениям лабораторного служителя. Таким образом, познание прошлого никогда не будет прямым. Но даже исследователь, воссоздающий историю недавнего прошлого, свидетелем которой он сам являлся, оказывается не в лучшем положении. Ведь непосредственное, «прямое» наблюдение почти всегда иллюзия. Историк не может быть свидетелем всех происходящих в его время событий, он может непосредственно наблюдать лишь незначительную их часть. Кроме того, «увиденное» исследователем в большой степени состоит из увиденного другими. Историк изучает положение дел в экономике на основании сводок, составленных экономистами; общественное мнение – на основании данных социологов и т. п.

Таким образом, историческое познание всегда не прямое, а опосредованное. Между историей как процессом и деятельностью историка находятся своеобразные посредники, которые и называются историческими источниками. Исторический источник – очень широкое понятие. Это все, что может дать представление о жизни человека в прошлом. Многообразии исторических источников диктует необходимость их классификации. Существует несколько видов таких классификаций. Например, источники делятся на *намеренные* и *ненамеренные*. К ненамеренным источникам относится то, что человек создавал не с целью войти в историю, оставить в ней след о себе, а с целью просто обеспечить себя всем необходимым для жизни. К таким источникам относятся, как правило, *материальные источники*. Существует специальная историческая дисциплина – *археология*, которая изучает древнейшее прошлое человечества на основе того, что осталось от жилищ, орудий труда и т.п. К намеренным источникам относятся, как

правило, *письменные источники*. Многие из них созданы со вполне определенной целью – заявить о себе. Особенно это относится к источникам, которые изучает политическая история: это программы политических партий; стенограммы съездов, конференций, собраний; речи и труды политических деятелей и тому подобные документы.

Бывают и другие классификации исторических источников: их классифицируют *по периодам создания, по видам* (материалы средств массовой информации, мемуары и др.), *по направлениям исторической науки*, для которых могут представлять интерес данные источники (источники для экономической истории, для политической истории, для истории культуры и т.д.).

Поиск исторических источников – важнейшая составляющая труда как профессионального историка, так и человека, изучающего историю. Но одного наличия источников мало. В этом легко убедиться на конкретном примере. Долгие годы в нашей стране доступ к значительной части источников был затруднен, многие фонды архивов были закрыты даже для специалистов. В этих условиях возникло представление, что, стоит только открыть двери специальных хранилищ и секретных фондов, как будут даны ответы на все вопросы, связанные с нашим прошлым. Доступ к источникам в настоящее время стал легче, но ожидаемого прорыва в исторической науке не произошло, так как обнаружился ее источниковедческий кризис. Из этого следует, что без умения работать с историческими источниками адекватное воссоздание истории невозможно.

Следует учитывать, что источники – это то, что создано людьми, и поэтому они не могут быть отражением объективной истины. Они несут на себе как печать эпохи, так и мировоззренческие, социальные, психологические и иные ориентации их авторов, т. е. представляют собой сложное сочетание объективного и субъективного факторов. Воспроизводить точку зрения источника без анализа и комментариев в историческом исследовании – значит, повторять давно отмеченную ошибку исторической науки, которая порой верит любой эпохе, что бы та о себе ни говорила.

Приведем высказанные по этому поводу слова Карла Маркса: «В то время, как в обыденной жизни любой лавочник отлично умеет различать между тем, за что выдает себя тот или иной человек, и тем, что он собой представляет в действительности, наша историография еще не дошла до этого тривиального познания. Она верит на слово каждой эпохе, что бы та о себе ни говорила и ни воображала».

Поэтому необходимо умение анализировать исторические источники. Разработкой способов их анализа занимается специальная историческая дисциплина – *источниковедение*.

Выяснив, что представляют из себя исторические источники и какие существуют их классификации, необходимо перейти к вопросу: *какие существуют направления анализа исторических источников и приемы работы с ними?*

Источниковедение содержит понятие «критика источников» (то есть их анализ). Обычно выделяют *внешнюю* и *внутреннюю* критику исторических источников. **Внешняя критика** устанавливает подлинность, время, место создания источника, его авторство. (Время, место и авторство устанавливаются даже тогда, когда они указаны в документе, так как иногда они бывают сознательно искажены). **Внутренняя критика** делает акцент на содержании источника. Ее суть – в изучении показаний источника об историческом факте, в определении достоверности, полноты и точности содержащейся в источнике информации.

Так как студенты знакомятся с источниками по хрестоматиям и сборникам документов, в которые включены документы, прошедшие внешнюю критику, то владение ее приемами для них и для всех, изучающих историю, не является первоочередной задачей. Гораздо важнее научиться анализировать исторический источник с точки зрения содержания.

Основными направлениями внутренней критики являются:

- установление цели создания того или иного источника;
- установление места источника в контексте эпохи, его репрезентативности относительно самой исторической действительности;
- установление достоверности источника (ее не следует путать с подлинностью).

Что означают эти направления?

Намеренный исторический источник создается для реализации какой-то цели. Выделение этой цели позволит глубже осмыслить содержание источника, его логику и аргументацию. Осознание того, что источник создан с определенной целью, позволит студентам понять, что существовали и другие цели, а, значит, существуют и другие документы, освещающие тот же исторический факт с иной стороны. Это будет ориентировать на поиск нескольких документов, и, следовательно, на их сравнение.

Выяснение места источника в контексте эпохи предполагает решение сразу нескольких задач. Во-первых, необходимо установить, насколько принципиален данный источник для изучения отраженной в нем эпохи. Ведь реальный масштаб исторических событий не всегда совпадает с тем, как он отражен в документах. Более значимые факты могут быть освещены мелко, а менее значимым может быть придано слишком большое значение. Другими словами, необходимо понять,

насколько источник представителен (репрезентативен) для изучения того или иного времени. Во-вторых, это выяснение того, с каких позиций написан документ. Это позволит ответить на вопрос: какие другие точки зрения на рассматриваемое событие существовали в прошлом и, таким образом, опять будет ориентировать на поиск других документов. Кроме того, понимание, что источник принадлежит к определенной системе взглядов, приведет к тому, что его точка зрения не будет механически переноситься в историческое исследование как истина в последней инстанции.

Установление достоверности источника предполагает выяснение, насколько верно в нем объясняются причины тех или иных событий. Возможны ситуации, когда источник будет подлинным с точки зрения внешней критики (то есть не фальшивым), но будет содержать недостоверную информацию или интерпретацию. Например, многие выступления политических деятелей являются подлинными с точки зрения того, что это выступления именно данных политических деятелей, а не их двойников или самозванцев. Но это вовсе не означает, что содержащаяся в этих выступлениях информация правдива и достоверна. Поэтому необходимо сравнение с другими документами.

Какие существуют правила и приемы работы с историческими источниками?

Существует много приемов работы с историческими источниками, которые позволяют выполнить задачи их критики. Остановимся на основных приемах, без знания которых невозможна сколь либо осмысленная работа с историческими документами.

▼ Прежде всего необходимо усвоить правило: **не источники должны подбираться к уже готовым теориям, а теории и выводы должны формулироваться на основе анализа многочисленных источников.** Если нарушить это правило, то в результате получится все, что угодно, только не историческая наука. Существует масса историософских построений, которые оперируют специально подобранными фактами, но их нельзя считать исторической наукой; они искажают историческую реальность, идя не от документов к теории, а от теории к документам. Источники – не иллюстрация заранее сконструированных теорий. Самое страшное научное преступление, которое может совершить историк – это выбросить факт, который не вписывается в его историческую концепцию.

▼ Отсюда следует правило: **изучать не отдельные источники (неважно, по какому принципу отобранные), а весь комплекс источников по исследуемой теме.**

▼ Изучение всего комплекса источников неизбежно будет приводить к ситуациям, когда один и тот же исторический факт будет освещаться разными источниками не просто с различных сторон, а с совершенно противоположных позиций. Следует относиться к этому как к закономерному явлению. Каждый источник отражает взгляд какой-то одной части общества на событие, а взглядов много. Если же ограничиться одним источником, это приведет к одностороннему видению исторического события.

Какие приемы работы с источниками необходимы в этой ситуации? Вовсе не умение составлять из различных источников нечто среднестатистическое. Это невозможно, да и не нужно. **Необходимо умение сравнивать и сопоставлять источники, показывая многогранность исторического события и неоднозначность его восприятия.**

Рассмотрим это на конкретном примере. 6 декабря 1876 года в Петербурге, на Невском проспекте перед Казанским собором состоялась первая в истории России демонстрация под красным знаменем. Одним из её организаторов был Г.В.Плеханов, тогда студент одного из петербургских вузов, впоследствии – первый русский марксист. Это факт. Посмотрим, как он отражается в различных источниках.

Источник первый. Вспоминает сам Г.В.Плеханов, участник этой демонстрации:

«Утром 6 декабря на место действия пришли все "бунтарские" рабочие кружки. Но посторонних рабочих совсем не было. Мы видели, что сил у нас слишком мало и решились выждать. Рабочие разошлись по ближайшим трактирам, оставив у соборной паперти только небольшую кучку для наблюдения за ходом дел. Между тем учащая молодежь подходила большими группами. ...

Соскучившиеся "нигилисты" стали выходить на паперть, из соседних трактиров подошли заседавшие там "бунтари" – рабочие. Толпа приняла довольно внушительные размеры. Мы решили действовать. ...

На Казанской площади полицейских и жандармов было немного. Они смотрели на нас и "ждали поступков". Когда раздались первые слова революционной речи, они попытались было протискаться к говорившему, но их сейчас же оттеснили назад. ... Когда, по произнесении речи, развернули красное знамя, его схватил молодой крестьянин Потанов и, поднятый на руки рабочими, некоторое время держал его высоко над головами присутствующих. ...

"Телерь пойдем все вместе, иначе будут арестовывать", – закричали какие-то голоса и мы толпой двинулись по направлению к Невскому. Но едва мы сделали несколько шагов, как полиция ... стала хватать шедших в задних рядах. ...

К полицейским явилось новое и сильное подкрепление. Целый отряд городских, в сопровождении множества дворников, быстро приближался к площади. ... Началась жесточайшая свалка. ... Тех, которые действовали в одиночку, тотчас хватали и, после зверских побоев, тащили в участки».

(Г.В.Плеханов. Русский рабочий в революционном движении. Сборник статей. Л., 1989. С. 84 – 88.)

Это свидетельство участника демонстрации. *А вот взгляд с другой стороны.* Свидетельствует знаменитый русский юрист Анатолий Федорович Кони, описывающий в своих воспоминаниях тот же день, 6 декабря 1876 года:

«Я застал у министра юстиции в кабинете Трепова, прокурора палаты Фукса, товарища прокурора Поскочина и товарища министра Фриша. Последний оживленно рассказывал, что, проходя час назад по Невскому, он был свидетелем демонстрации у Казанского собора, произведенной группой молодежи "нигилистического пошиба", которая была прекращена вмешательством полиции, принявшей бить демонстрирующих. Ввиду несомненной важности такого факта в столице, среди бела дня, он поспешил в министерство и застал там Трепова, подтвердившего, что кучка молодых людей бесчинствовала и носила на руках какого-то мальчика, который помахивал знаменем с надписью "Земля и воля". При этом Трепов рассказывал, что все они арестованы – один сопротивлявшийся был связан, и некоторые, вероятно, были вооружены, т.к. на земле был найден револьвер. ... Демонстрация ... вызвала со стороны общества весьма равнодушное к себе отношение. Извозчики и приказчики лавок бросались помогать полиции и бить кнутами и кулаками "господ и девок в платках [пледах]"».

(Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич // Избранные произведения. М., 1958. Т.2. С. 8, 10.)

И ещё одно свидетельство, демонстрирующее совсем неожиданный взгляд на эти события.

Один наблюдатель уличной жизни рассказывал про купца, который говорил: «Вышли мы с женой и дитёй погулять на Невский; видим, у Казанского собора драка. ... Я поставил жену и дитё к Милютиным лавкам, засучил рукава, влез в толпу, и – жаль только двоим и успел порядком дать по шее ... торопиться надо было к жене и дитю – одни ведь остались!» – «Да кого же и за что вы ударили?» – «Да кто их знает, кого, а только как же, помилуйте, вдруг вижу, бьют: не стоять же, сложа руки?! Ну, дал раза два кому ни на есть, потешил себя – и к супруге...».(Язык персонажа сохранен без изменений).

(Кони А.Ф. Указ. соч. С. 10 – 11.)

Посмотрим, что будет, если при реконструкции этого события мы ограничимся только одним источником. К чему приведет использование в

качестве такого источника воспоминаний Плеханова? (Ведь для участника и организатора демонстрации естественно вспоминать о ней в приподнятом, патетическом тоне). К тому, что эту демонстрацию надо будет изображать как событие, имевшее большое значение и оказавшее существенное влияние на общественно-политическую жизнь столицы, а то и всей страны. Так и было в советской исторической литературе, которая использовала только этот источник (опуская ненужные бытовые подробности про трактиры). А если использовать в качестве источника только мнения официальных лиц? Тогда это событие надо будет изображать как смуту, совершенно беспочвенную, не вызвавшую никакого резонанса в обществе. Если же использовать в качестве источника только приведенное выше мнение купца, тогда это событие вообще должно попасть в разряд полицейской хроники или даже курьезов петербургской жизни. Следовательно, использование одного источника приведет к неадекватному воспроизведению истории. В то же время понятно, что сделать нечто среднестатистическое из данных источников невозможно. Поэтому использование разных источников необходимо для того, чтобы показать реальный масштаб данного исторического события, его восприятие в разных слоях общества.

▼ При работе с источниками необходимо систематизировать, обобщать их, а также сравнивать друг с другом для выяснения их достоверности.

Например, источниковедение учит, что мемуары как исторический источник можно использовать только при сопоставлении с другими источниками. Это объясняется тем, что мемуариста может подвести память, он может (даже невольно) преувеличить свою роль в исторических событиях, приписать себе взгляды, которые в то время не разделял. Наконец, на него могут оказывать давление политические обстоятельства времени написания мемуаров. Это, конечно, так. Но разве документ, написанный на официальном бланке, с подписью и гербовой печатью, будет надежнее? Многие материалы государственных и бывших партийных архивов советской эпохи являются ни чем иным, как отчетами. Не надо быть большим специалистом по источниковедению, чтобы понять: если историки будущего воспроизведут историю нашего недавнего прошлого по отчетам, то они будут иметь о ней абсолютно неправильное представление. А ведь у некоторых историков сформировался своего рода пиетет перед официальными документами. Этот стереотип необходимо преодолеть. Данные документы нуждаются в тщательной перепроверке и сравнении со многими другими историческими источниками.

Это касается всех источников. Например, нет ни одной политической партии, в программе которой бы заявлялось, что эта партия хочет сделать плохо народу или стране (а программы партий – тоже исторический источник). Увы, крови в истории было достаточно. Таким образом, и здесь нужно сопоставление программ с другими документами.

▼ При работе с историческими источниками необходимо понимать, что часть информации может быть скрыта от исследователя. Поэтому приемы работы с источниками должны приводить к выяснению не только того, о чем свидетельствуют авторы документов, но и того, о чем они умалчивают, к умению увидеть за отдельными фактами документа характер эпохи.

Разумеется, это далеко не все, а лишь основные правила и приемы работы с историческими источниками. Но без владения ими невозможно понимание истории.

Итак, изложенный выше материал является введением в историческую науку. Он раскрывает специфику истории как науки, методологию исторического исследования, направления и приемы источниковедческого анализа. Эти знания необходимы для формирования исторического сознания, для осмысленного изучения конкретных тем вузовского курса истории.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Специфика истории как науки. Проблема объективной истины в исторической науке.....с. 3
2. Методология исторического исследования. Основные методологические подходы и школы.....с.15
3. Исторические источники и их критика.....с. 37